

ТРЕТЕЙСКОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО И МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОММЕРЧЕСКИЙ АРБИТРАЖ КАК ФОРМЫ ЧАСТНОГО ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

С.А. Курочкин

Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

15 марта 2017 г.

Дата принятия в печать –

20 апреля 2017 г.

Дата онлайн-размещения –

20 июня 2017 г.

Вступление в силу в России с 1 сентября 2016 г. нового законодательства о третейском разбирательстве и международном коммерческом арбитраже поставило на повестку дня вопрос о месте арбитража как в системе органов гражданской юрисдикции, так и в системе социального управления в целом. В статье представлен анализ третейского разбирательства и международного коммерческого арбитража как форм частного правоприменения, их роли в системе применения права, а также механизма их управленческого воздействия.

Ключевые слова

Третейское разбирательство, международный коммерческий арбитраж, частная юрисдикция, правоприменение, социальное управление, управленческое воздействие

INTERNAL AND INTERNATIONAL COMMERCIAL ARBITRATION AS A PRIVATE FORM OF LAW ENFORCEMENT

Sergey A. Kurochkin

Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

Article info

Received – 2017 March 15

Accepted – 2017 April 20

Available online – 2017 June 20

Keywords

Arbitration, international commercial arbitration, private jurisdiction, law enforcement, social governance, managerial impact

The subject. The issues of the arbitration's place in the civil justice system as well as its place in a whole system of social governance in the scope of Russian arbitration reform.

The purpose of the article is to provide a comprehensive analysis of internal and international commercial arbitration as a peculiar form of private law enforcement, as well as to present a doctrinal description of the arbitration's role in law enforcement system and its managerial impact mechanism.

Methodology. Research of general functions of law enforcement in social governance. Essential features of arbitration and basic foundations of civil litigation also have been compared. The results and the scope of its application. The results are both doctrinal and practical. Domestic and international commercial arbitration can be considered as a peculiar form of managerial impact, as a subsystem of civil justice subordinated to general patterns of the social governance. Arbitration is a special, private on its origin, form of managerial impact, whereas arbitration tribunal is an independent nongovernmental element of the social governance system. Despite the fact of its private origin arbitration is in full measure a law enforcement activity. Theoretical comparison of arbitration's substance with civil litigation became a convincing proof of the existence of public elements in a private segment of civil justice system.

Conclusions. Application of law by arbitration tribunals, both domestic and international, has the imperious character. Arbitration is a legal activity, private on its origin and to a great extent public by its essence. It embraces the expansion of general legal directions on individual social relationships by means of making arbitral awards which are law enforcement acts of individual character.

1. Введение в предмет исследования

Свобода участников гражданского оборота в выборе формы защиты своих прав и законных интересов основана на возможности использования ими

как государственной, так и частной юрисдикции. Нормы охранительного характера, регулирующие отношения по разрешению конфликтов в частной сфере, реализуются и государственными, и третей-

скими судами. Тогда можем ли мы рассматривать частное правоприменение в качестве элемента системы социального управления, ставить на повестку дня вопрос о месте арбитража (третейского разбирательства) в социальном управлении? Ответы на эти вопросы приобрели особую актуальность в связи с проводимой реформой арбитража в России и принятием нового законодательства об арбитраже (третейском разбирательстве) и международном коммерческом арбитраже.

2. Арбитраж в системе социального управления

В доктрине под социальным управлением принято понимать сознательное, целенаправленное воздействие людей на общественную систему в целом или на отдельные звенья на основе познания и использования присущих системе объективных закономерностей и тенденций в интересах обеспечения ее оптимального функционирования и развития, достижения поставленной цели [1, с. 109–110]. Регулирующее (управленческое) воздействие является целенаправленным. Разрешение гражданских дел третейскими судами и международными коммерческими арбитражами нацелено на защиту нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, т. е. обеспечение запрограммированного в нормах права порядка функционирования и развития системы общественных отношений. Целью арбитража как процесса разрешения спора третейским судом и принятия решения третейским судом становится обеспечение оптимального функционирования комплекса общественных отношений, на которые оказывается воздействие, и создание условий для их дальнейшего развития. Достижение такой цели в ходе управления осуществляется через решение задач арбитража (третейского разбирательства), которые по своему характеру аналогичны задачам гражданского судопроизводства, – правильного разрешения гражданских споров в ходе справедливого разбирательства в разумный срок независимым и беспристрастным юрисдикционным органом.

Содержательно любое управление является воздействием, реализуемым в определенных формах при помощи заданных приемов и способов. Третейский суд оказывает организующее влияние на комплекс общественных отношений (управляемую систему) в форме правоприменения. Применение

права – это властная индивидуально-правовая деятельность, которая направлена на решение юридических дел и в результате которой в ткань правовой системы включаются новые элементы – индивидуальные предписания [2, с. 254].

В отличие от иных известных в России и за рубежом способов альтернативного урегулирования правовых конфликтов, в арбитраже приемами управленческого воздействия становятся признание (подтверждение) третейским судом субъективного права и приказ обязанному субъекту о совершении действий, необходимых для беспрепятственной реализации подтвержденного права управомоченным субъектом. Необходимым условием осуществления любого управленческого влияния является познание и использование присущих управляемой системе закономерностей и тенденций. Такое воздействие обращается на отдельные элементы системы отношений, ставших предметом третейского разбирательства, после познания арбитрами статичности и динамики конкретных общественных отношений (процессуальном доказывании) посредством принятия индивидуально-властных актов. Именно правоприменительный характер принципиально отличает третейское разбирательство (международный коммерческий арбитраж) как частноправовой элемент гражданской юрисдикции от иных негосударственных форм урегулирования правовых споров.

В арбитраже управление, аналогично гражданскому судопроизводству, обращается как на систему общественных отношений в целом, так и на отдельные ее элементы, лежащие и в сфере материального, и в сфере процессуального регулирования. Так, принципы арбитража, закрепленные в ст. 18 Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»¹, оказывают сквозное регулирующее действие на весь комплекс отношений, возникающих в связи с разрешением юридических дел, частных правовых конфликтов в третейском суде. Применение в совокупности иных норм процессуального характера оказывает влияние на отдельные звенья – стадии арбитража (третейского разбирательства).

Социальное управление в теории рассматривается как целесообразное воздействие на общественную систему. Ту же роль выполняет и правовое регулирование. Методологически вполне оправданно рассматривать процесс правового воздействия на по-

¹ Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Рос-

сийской Федерации» // Российская газета. 2015. 31 декабря. № 297.

ведение людей как специфическую форму управленческого воздействия, которая, хотя и имеет свои специфические черты, подчиняется общим закономерностям управления [3, с. 10]. Функцию целесообразного воздействия на общественную систему, приведения ее в соответствие с присущими закономерностями, т. е. управления, выполняет и правоприменение как элемент механизма правового регулирования. С.С. Алексеевым было справедливо указано, что решение юридического дела по своей социальной природе может быть охарактеризовано как управленческое решение [4, с. 548]. Правоприменительные акты являются правовой формой управленческих решений, обращенных к персонально определенным лицам, принимаемых по конкретным вопросам, в связи с наступлением конкретных условий. Они служат средством обеспечения управленческого действия нормативных актов [5, с. 58].

Функция воздействия на общественную систему реализуется через правоприменение. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж являются его особыми формами, а потому их необходимо рассматривать и как формы целесообразного воздействия на общественную систему, как формы социального управления. Конечно, регулирующее действие материального и процессуального права в социальном управлении неоднородно. Если роль материального права в большей степени состоит в поддержании общественной системы в состоянии, соответствующем присущим ей закономерностям, а зачастую и в правовом закреплении (формализации) последних, то процессуальное право, одним из элементов которого является комплекс норм, определяющих порядок рассмотрения дел третейскими судами, регулирует отношения, возникающие именно в связи с приведением общественной системы в соответствие с установленными (нормами материального права) закономерностями.

Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж могут рассматриваться как особые формы управленческого воздействия, как подсистемы гражданской юрисдикции, подчиняющиеся общим закономерностям управле-

ния, но также и имеющие свои отличительные черты. В доктрине было справедливо отмечено, что частноправовой характер имеет юрисдикционная деятельность третейских судов и ряда других органов (при урегулировании коллективных трудовых споров), которые занимаются частным правоприменением [6, с. 7]. **Арбитраж (третейское разбирательство) – это особая форма управленческого воздействия, частноправовая по своему происхождению, а третейский суд (международный коммерческий арбитраж) – частноправовой элемент системы социального управления.** Недаром отношения частных лиц, связанные с формированием третейского суда и передачей ему на рассмотрение спора, основаны исключительно на частных интересах таких лиц и реализуются к их пользе. Анализ норм Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» и Закона РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже»² (в ред. от 29 декабря 2015 г.) не оставляет сомнений в том, что регулирование такого рода отношений осуществляется главным образом правилами диспозитивного (восполнительного), а не императивного (обязательного) характера.

3. Третейское разбирательство как реализация права на судебную защиту

Вместе с тем полагаем возможным не соглашаться с высказанной в доктрине позицией о том, что «как и всякое частное право, право на третейское разбирательство основано на инициативе частных лиц – на достигнутом ими арбитражном соглашении, предполагающем добровольное исполнение решения третейского суда» [7, с. 25]. Представление о праве на третейское разбирательство лишь как о частном праве является, на наш взгляд, чрезмерно зауженным. Конституция РФ закрепляет право каждого защищать эти права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Как отметил Конституционный Суд РФ в Постановлении от 26 мая 2011 г. № 10-П³, обращение в третейский суд относится к числу общепризнанных в современном обществе способов разрешения гражданско-правовых

² Закон РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» (в ред. от 29 декабря 2015 г.) // Российская газета. 1993. 14 августа. № 156.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 ГК РФ,

пункта 2 статьи 1 Федерального закона “О третейских судах в Российской Федерации”, статьи 28 Федерального закона “О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним”, пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона “Об ипотеке (залоге недвижимости)” в связи с запро-

споров, проистекающих из свободы договора. Судом было особо отмечено, что «в Российской Федерации право сторон гражданско-правового спора на его передачу в третейский суд основано на статье 45 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьей 8, гарантирующей свободу экономической деятельности и поддержку конкуренции, и статьей 34, закрепляющей право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Заклячая соглашение о его передаче на рассмотрение третейского суда и реализуя тем самым свободу договора, стороны спора добровольно соглашаются подчиниться правилам, установленным для конкретного третейского суда. В таких случаях право на судебную защиту, которая должна быть полной, эффективной и своевременной, обеспечивается возможностью обращения в предусмотренных законом случаях в государственный суд, в частности путем подачи заявления об отмене решения третейского суда либо о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда».

При вынесении указанного постановления Конституционным Судом РФ была учтена позиция Европейского Суда по правам человека, отраженная в целом ряде его решений. При применении Конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейский Суд по правам человека также исходит из того, что стороны в гражданско-правовых отношениях могут, не прибегая к рассмотрению дела государственным судом, заключить соответствующее соглашение, в том числе в виде арбитражной оговорки в договоре, и разрешить спор путем третейского разбирательства, – такой отказ от права на рассмотрение своего дела судом не нарушает Конвенцию при условии, что он совершается без принуждения. По оценке Европейского Суда по правам человека, отраженной в постановлении по делу *Lithgow and others v. The United Kingdom* от 8 июля 1986 г. (жалоба № 9006/80 и др.), ст. 6 Конвенции не исключает создание третейских судов для разрешения споров между частными лицами; термин «суд» не обязательно должно пониматься как суд классического типа, встроенный в стандартный судебный механизм страны, и может подразумевать орган, учрежденный для решения ограниченного числа особых

вопросов, при неизменном условии, что им соблюдаются необходимые гарантии. По мнению судей Конституционного Суда РФ, этим обстоятельством подтверждается правомерность обращения частных лиц – в пределах реализации ими на основе автономии воли права на свободу договора – к третейскому разбирательству в сфере гражданских правоотношений, где допускается разрешение споров посредством общественного саморегулирования, а публичные интересы обеспечиваются законодательными предписаниями, устанавливающими процедуры арбитража, что предполагает наличие гарантий справедливости и беспристрастности, присущих любому судебному разбирательству.

4. Каков механизм регулирующего воздействия третейского разбирательства?

И.Я. Дюрягиным было справедливо замечено, что юридическая сторона государственного управления не сводится к установлению нормативно-правовых положений как предписаний общего характера, рассчитанных на регулирование типичных общественных отношений. Управление предполагает также распространение нормативных предписаний на индивидуальные общественные отношения, на персонально-определенных их участников посредством принятия государственными органами управленческих решений индивидуального характера на основе применения норм права [5, с. 51]. Можем ли мы говорить о том, что содержательной стороной арбитража (третейского разбирательства) является правоприменение, распространение правовых норм на индивидуальные общественные отношения, путем принятия управленческих решений индивидуального характера?

Для ответа на этот вопрос содержательная характеристика третейского разбирательства и международного коммерческого арбитража может быть сопоставлена с правосудием по гражданским делам. Правосудие – это строго регламентированная законом деятельность, направленная на распространение действия общих нормативных предписаний (норм права) на конкретные индивидуальные общественные отношения через вынесение правоприменительных актов властного характера. Через применение права осуществляется приведение управляемой системы в соответствие с установленными правилами. Анализ норм ст. 31 Федерального

сом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. № 4.

закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», ст. 28 Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже» убеждает в том, что содержанием деятельности, реализуемой арбитрами, также является распространение общих нормативных предписаний (норм материального права) на конкретные индивидуальные общественные отношения, на персонально-определенных их участников путем вынесения правоприменительных актов. В процессе применения права частноправовые элементы системы гражданской юрисдикции формируют правовые условия, необходимые для приведения управляемой системы в соответствие с заданными закономерностями в целях обеспечения ее оптимального функционирования.

Выразим также убежденность в существовании в арбитраже (третейском разбирательстве) властных начал, что является принципиальным для оценки его места в системе социального управления. В этом смысле третейский суд – частный элемент системы социального управления – приобретает публичные черты. Сопоставление содержательной стороны третейского разбирательства с отмеченными ранее чертами гражданского судопроизводства, свидетельствующими о государственно-властном характере последнего, убеждает в существовании аналогичных качеств и в частном сегменте гражданской юрисдикции. Таким образом, третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж являются особой частной формой волевого целенаправленного воздействия на отдельные элементы системы общественных отношений в интересах обеспечения ее оптимального функционирования на основе использования присущих такой системе закономерностей. Выступая как элемент более сложной системы разрешения юридических дел (гражданской юрисдикции), арбитраж становится важным средством организующего влияния на весь комплекс общественных отношений в целом.

Базовыми приемами управления в правоприменении являются признание (подтверждение) юрисдикционным органом права и приказ обязанному субъекту о совершении действий, необходимых для его реализации управомоченным субъектом. Необходимо принимать во внимание и тот факт, что в сфере управленческой деятельности третейского суда оказывается поведение субъектов регулятивного правоотношения, имевшее место до возникновения третейского разбирательства. Как известно, суд констатирует то, что совершено участниками процесса, и через призму закона опреде-

ляет последствия таких действий [8, с. 38]. Фактически речь идет о контроле за правомерностью ординарных форм реализации юридических норм, а эта деятельность не может оставаться исключительно в сфере частных интересов.

Принято считать, что через процессуальную деятельность процессуальными средствами осуществляется государственная власть [9, с. 95]. Как было отмечено И.Я. Дюрягиным, связь применения норм права с осуществлением государственной власти заключается в том, что в результате применения достигается подчинение конкретных лиц государственной воле, а управление и подчинение государственной воле – проявление государственной власти. Таким образом, применение норм права носит государственно-властный характер, который выражается: а) в том, что правоприменительной деятельностью занимаются в пределах своей компетенции государственные органы (иногда уполномоченные государством общественные организации); б) в осуществлении правоприменительной деятельности по одностороннему волеизъявлению компетентных органов; для применения не требуется двустороннего соглашения; в) в обязательности исполнения правоприменительных актов, принятых в строгом соответствии с законом, для всех лиц, которым они адресуются или деятельность которых в какой-то мере соприкасается с ними; г) в обеспеченности данных актов в необходимых случаях государственным принуждением [5, с. 77].

Имеются ли основания говорить о том, что применение права третейскими судами и коммерческими арбитражами носит властный характер? Нетрудно заметить, что арбитраж (третейское разбирательство) – это тот самый случай, когда правоприменительной деятельностью занимаются не государственные, а уполномоченные государством частные органы. Третейский суд является органом юрисдикции, управляющим субъектом по отношению к управляемой системе. Юрисдикционная деятельность реализуется третейскими судами по их одностороннему волеизъявлению в ответ на поступившее обращение лица, чьи права и законные интересы требуется защитить. И, наконец, выносимые третейскими судами правоприменительные акты обязательны для сторон третейского разбирательства (ст. 38 Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации») и при определенных законом условиях обеспечиваются государственным принуждением. Н.И. Масленникова, говоря об особой сложности

правоприменительной деятельности как формы социального управления, отмечала, что все в ней предопределено заранее, каждый раз субъект управления (в том числе суд) должен устанавливать новую «рабочую» связь между нормой права и конкретной, всякий раз отличающейся от других ситуацией. Высшей степенью власти обладают вырабатываемые судом индивидуальные правоприменительные акты [8, с. 25]. Конечно, решения третейских судов обладают меньшей степенью власти, проявляющейся в ограниченном круге субъектов, которым они адресуются.

Приведенные обстоятельства свидетельствуют, на наш взгляд, о властном, публичном характере содержательной стороны третейского разбирательства, отражают действие начал публичных, начал власти и подчинения. Сказанное не позволяет согласиться с мнением М.А. Рожковой, которая говорит об исключительно частноправовой природе арбитража, арбитражной процедуры, арбитражного соглашения и арбитражного решения, полностью отрицая наличие оснований для признания за арбитражной процедурой черт публично-правового характера [10, с. 233]. Не вызывает сомнения, что деятельность по формированию состава третейского суда, определению правил процедуры основана на собственном интересе лица, свободном выборе цели, средств ее достижения и процесса осуществления. Совершенно иными свойствами характеризуется правоприменительная управленческая деятельность самого третейского суда, направленная на организацию взаимодействия частных лиц. Она не является свободной, поскольку основана на функциональной заданности цели – разрешении спора. Как было указано Конституционным Судом РФ в Постановлении от 26 мая 2011 г. № 10-П, третейские суды действуют в качестве институтов гражданского общества, наделенных публично значимыми функциями. Таким образом, именно третейский суд как орган, но не все третейское разбирательство, является частноправовым элементом системы социального управления. Приведенные аргументы позволяют также не согласиться с выводами Е.В. Слепченко о том, что третейское разбирательство – это институт частного, а не публичного права, альтернативная (негосударственная) форма разрешения споров [7, с. 11].

5. Значение правовых норм для третейского разбирательства

Анализ арбитража как формы частного правоприменения будет неполным без характеристики роли правовых норм, его регулирующих. И вновь мы вернемся к позиции И.Я. Дюрягина, отражающей

управленческую роль права применительно как к социальной системе в целом, так и к составляющим ее двум подсистемам: управляющей и управляемой. Так, по отношению к управляющей подсистеме правовой фактор: 1) служит средством ее организации: все организационные мероприятия по совершенствованию структуры управленческого аппарата в государственной сфере получают правовое закрепление; 2) устанавливает права и обязанности (компетенцию) государственных органов, их структурных подразделений и должностных лиц, т. е. регулирует субординационные связи внутри управляющих подсистем; 3) закрепляет наиболее рациональный процесс управленческой деятельности: предусматривает условия и соответствующие данные, необходимые для осуществления управления, упорядочивает сроки и порядок рассмотрения дел, способы и процедуру подготовки и принятия управленческих решений, их оформление, доведение до сведения исполнителей и другие вопросы; 4) обеспечивает создание условий осуществления управленческой деятельности: устанавливает обязанности тех органов и лиц, которые призваны содействовать управленческим органам, предусматривает различные охранительные меры, в том числе направленные против тех, кто в процессе управления нарушает установленные требования либо извне препятствует нормальному осуществлению управленческой деятельности [5, с. 49–50].

Процитированные положения в полной мере характерны и для арбитража (третейского разбирательства). По отношению к управляющей подсистеме – третейскому разбирательству – комплекс соответствующих правовых норм служит средством ее организации. Действия по совершенствованию порядка функционирования третейских судов, как внешних, так и основополагающих внутренних их связей, нормативно регламентированы. Законодательство об арбитраже закрепляет полномочия третейских судов (их компетенцию), формализует функциональные связи с другими элементами юрисдикционной системы (например, судами), регулирует отношения, связанные с признанием и исполнением арбитражных решений, иные субординационные и координационные связи внутри арбитража как управляющей подсистемы. Законом императивно задаются минимальные стандарты юрисдикционной деятельности (гарантии соблюдения прав участников), диспозитивно – условия ее оптимизации, создания наиболее рационального управленческого алгоритма. Зачастую последние находят свое отражение в правилах арбитража. В этом

смысле процессуальные нормы формируют комплекс гарантий, обеспечивающих соблюдение баланса интересов сторон процесса, минимальных стандартов правоприменительной деятельности, чем с высокой долей вероятности предопределяют соответствующее установленным правилам содержание правоприменительных актов.

Рассматриваемые правила во многом свидетельствуют о частноправовой природе третейского разбирательства. В самом общем виде предмет частного права, по справедливой оценке Т.В. Кашаниной, можно приравнять к предмету децентрализованного регулирования и включить в содержание частного права индивидуальные и локальные нормы [11, с. 23]. Нормы закона и правила арбитража в своей совокупности предусматривают условия и соответствующие данные, необходимые для осуществления управления (условия и юридические факты (составы), необходимые для проведения третейского разбирательства), упорядочивают действия по рассмотрению дел, способы (доказывание) и процедуру подготовки и принятия управленческих решений (возбуждение, подготовка и совершение правоприменительного акта); способы оформления управленческих решений (вынесение арбитражного решения), доведения до сведения исполнителей (такowymi в данном случае становятся субъекты, на которых распространяется юридическая сила решения третейского суда).

Принято считать, что применительно к управляемой подсистеме право играет роль средства воздействия на сознание и деятельность управляемых лиц. Посредством правовой регламентации устанавливаются их субъективные права и обязанности, границы допустимого и возможного поведения, предусматриваются меры принудительного воздействия для того, чтобы при необходимости добиться выполнения принятых актов управления [5, с. 50]. В отношении управляемой подсистемы (действий и отношений, возникающих в связи с разрешением юридических дел, правовых конфликтов) нормы о третейском разбирательстве и международном коммерческом арбитраже (их принято обозначать как *lex arbitri*) выступают также и в качестве средства влияния на деятельность управляемых лиц (субъектов) через их сознание и волю. Законодательно устанавливаются их субъективные права и обязанности (в статике), границы допустимого и возможного поведения (в динамике),

предусматриваются меры принудительного воздействия, необходимые для реального исполнения вынесенных арбитрами решений.

Какова роль процедурных норм в правоприменении? Многие ученые полагают, что управленческое воздействие права состоит также в предопределении содержания управленческих решений и в оказании организующего воздействия на управляемых лиц, в определении того, что и как они должны или вправе делать [5, с. 51]. И хотя данный тезис характерен в большей степени для сферы материально-правового регулирования, где осуществляется организующее (регулирующее) влияние на управляемых лиц в определении границ их допустимого и возможного поведения, он также сохраняет свое значение и для процессуальной сферы. Управленческое действие *lex arbitri* состоит в предопределении характера и содержания арбитражных решений – правоприменительных актов, через установление регламента совершения процессуальных действий и порядка подготовки и совершения правоприменительных актов (вынесения решений). В этом смысле процедурные нормы законодательства об арбитраже (третейском разбирательстве) формируют комплекс гарантий, обеспечивающих соблюдение баланса интересов сторон процесса, минимальных стандартов правоприменительной деятельности, чем предопределяют с высокой долей вероятности соответствующее «духу и букве» закона содержание арбитражных решений – правоприменительных актов.

В завершение отметим следующее. Арбитраж (третейское разбирательство) представляет собой особую, частную по своему происхождению форму целенаправленного воздействия на отдельные элементы системы общественных отношений, особую форму частного правоприменения. Такое воздействие через применение правовых норм осуществляется в целях приведения реальных общественных отношений в соответствие с установленными правилами в интересах достижения оптимального функционирования общественной системы. **Арбитраж (третейское разбирательство) – это частная по генезису и в значительной мере публичная по характеру деятельность**, содержанием которой является распространение общих нормативных предписаний на индивидуальные общественные отношения, реализуемая путем принятия решений – правоприменительных актов индивидуального характера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьев В.Г. Научное управление обществом / В.Г. Афанасьев. – М.: Политиздат, 1968. – 384 с.

2. Алексеев С.С. Теория права / С.С. Алексеев. – М.: БЕК, 1995. – 320 с.
3. Эффективность правовых норм / В.Н. Кудрявцев и др. – М.: Юридическая литература, 1980. – 280 с.
4. Алексеев С.С. Общая теория права / С.С. Алексеев. – М.: Велби: Проспект, 2008. – 576 с.
5. Дюрягин И.Я. Право и управление / И.Я. Дюрягин. – М.: Юридическая литература, 1981. – 168 с.
6. Решетникова И.В. Гражданское право и процесс в современной России / И.В. Решетникова, В.В. Ярков. – М.: Норма, 1999. – 302 с.
7. Слепченко Е.В. Гражданское судопроизводство: проблемы единства и дифференциации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Е.В. Слепченко. – СПб., 2011. – 30 с.
8. Масленникова Н.И. Гражданский процесс как форма социального управления / Н.И. Масленникова. – Свердловск: Изд-во Ур. ун-та, 1989. – 140 с.
9. Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права / Е.Г. Лукьянова. – М.: Норма, 2003. – 240 с.
10. Рожкова М.А. Юридические факты гражданского и процессуального права: соглашения о защите прав и процессуальные соглашения / М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2009. – 332 с.
11. Кашанина Т.В. Децентрализация в правовом регулировании (структурный анализ): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Т.В. Кашанина. – М., 1992. – 48 с.

REFERENCES

1. Afanasiev V.G. *Scientific Social Governance*. Moscow, Politizdat Publ., 1968. 384 p. (in Russ.).
2. Alekseev S.S. *Theory of Law*. Moscow, BEK Publ., 1995. 320 p. (in Russ.).
3. Kudryavtsev V.N., Nikitinskiy V.I., Samoshchenko I.S., Glazyrin V.V. *Efficiency of Legal Norms*. Moscow, Yridicheskaya literatura Publ., 1980. 280 p. (in Russ.).
4. Alekseev S.S. *General Theory of Law*. Moscow, Velbi Publ., Prospekt Publ., 2008. 576 p. (in Russ.).
5. Dyuryagin I.Ya. *Law and Governance*. Moscow, Yridicheskaya literatura Publ., 1981. 168 p. (in Russ.).
6. Reshetnikova I.V., Yarkov V.V. *Civil Law and Procedure in Modern Russia*. Moscow, Norma Publ., 1999. 302 p. (in Russ.).
7. Slepchenko E.V. *Civil Litigation: Problems of Unity and Differentiation*. Doct. Diss. Thesis. St. Petersburg, 2011. 30 p. (in Russ.).
8. Maslennikova N.I. *Civil Procedure as a Form of Social Governance*. Sverdlovsk, Ural University Publ., 1989. 140 p. (in Russ.).
9. Lukyanova E.G. *Theory of Procedural Law*. Moscow, Norma Publ., 2003. 240 p. (in Russ.).
10. Rozhkova M.A. *Legal Facts of Civil and Procedural Law: Agreements of Right's Protection and Procedural Agreements*. Moscow, Statut Publ., 2009. 332 p. (in Russ.).
11. Kashanina T.V. *Decentralization of Legal Regulation (A Structural Analysis)*, Doct. Diss. Thesis. Moscow, 1992. 48 p. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Курочкин Сергей Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент
Уральский государственный юридический университет
620137, Россия, г. Екатеринбург, Комсомольская, 21
e-mail: kurochkin@e1.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Sergey A. Kurochkin – PhD in Law, Associate Professor
Ural State Law University
21, Komsomolskaya ul., Yekaterinburg, 620137, Russia
e-mail: kurochkin@e1.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Курочкин С.А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж как формы частного правоприменения / С.А. Курочкин // Правоприменение. – 2017. – Т. 1, № 2. – С. 219–226. – DOI : 10.24147/2542-1514.2017.1(2).219-226.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kurochkin S.A. Internal and international commercial arbitration as a private form of law enforcement. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2017, vol. 1, no. 2, pp. 219–226. DOI: 10.24147/2542-1514.2017.1(2).219-226. (In Russ.).